

Жамсаранова Р. Г.

КЕТОЯЗЫЧНЫЕ ОНИМЫ В ОНОМАСТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЕ ВОСТОЧНОГО ЗАБАЙКАЛЬЯ

Представлена презентация кетоязычных топонимов и этнонимов в ономастической системе Восточного Забайкалья. Описаны субстратные гидронимы, основа которых адекватно объяснима из апеллятивной кетоязычной лексики. Это термины *уль/ул* 'река', аринское именование реки в форме *сет* и *сат*, котгское *шет/шет* 'река; ручей' репрезентированы достаточно плотным слоем в региональной топонимии. Представлены и описаны этнопонимы с основой *ассан*, *котты*, Улятский род тунгусов и Бодонгутский род хори-бурят как свидетельство наличия древнего сообщества исторической Даурии, включавшего в свой состав и кетоязычный адстрат.

Ключевые слова: кетоязычный топонимический субстрат, генонимы тунгусов и хори-бурят, Государственный архив Забайкальского края, синхронические корреляты в системе местной географической терминологии, богдойцы, никан(ы), Богдэйдэнг, Ханта, Ольгыт, Улятский род тунгусов Нерчинска, Бодонгутский род хори-бурят, этнопонимы.

Исследования по региональной субстратной топонимии палеоазиатского стратиграфического пласта, включая и этнопонимы, которые могут иметь вполне объективную этнонимную этимологию, подтверждаемую архивными документами, позволяют утверждать о частотном распространении кетоязычных топонимов по территории Восточного Забайкалья. Следует отметить, что ранее М. Н. Мельхеевым при изучении топонимии Прибайкальского региона было выделено более трех десятков кетоязычных, около пяти десятков самодийских, более семи десятков тюркоязычных, а также около трех десятков названий с ираноязычными субстратными элементами (Мельхеев, 1969).

Впервые о необходимости исследования кетоязычного субстрата в топонимии в местах компактного расселения бурят подчеркивал Ц. Б. Цыдендамбаев, отмечая типологию языковых черт енисейских языков с бурятским: сходство сонорных *p* и *l*, не употребляющихся в начале слова; чередование *m* // *b*; взаимозаменяемость палатализованных *t'*, *c'*, *ш'* шумных звуков вместо другого, как это имеет место в западно-бурятских говорах: *тамт'у* // *тамс'* // *тами'у* 'табак'. Замечено сходство словообразовательного суффикса *-ту* и бурятского *-та* (*-тэ*, *-то*), образующего на основе существительных имена прилагательные со значением обладания.

Ц. Б. Цыдендамбаев считал кетское местоимение *бин* // *б'ин* // *биен* 'сам' сходным с бурятским *бие* 'тело', 'особа', приобретающее в косвенных падежах также местоименное значение 'сам, себя', ссылаясь на данные А. П. Дульзона по кетскому языку (см.: Дульзон, 1966: 37–38). Все эти моменты, по мнению Ц. Б. Цыдендамбаева, свидетельствуют о формировании древних субстратных топонимов в условиях языкового взаимодействия (Цыдендамбаев, 1976: 3–23).

Одной из таких работ, посвященных кетоязычной субстратной топонимике Циркумбайкалья, является статья С. А. Гурулева, где автором выделено несколько групп по признаку наличия кетских топоформантов в бассейне оз. Байкал (Гурулев, 1991: 108–118). При этом С. А. Гурулевым справедливо отмечается актуальность изучения тех топонимов, в которых, по его мнению, отразилось взаимовлияние бурятского и каких-то из енисейских языков, что иллюстрируется произошедшей трансформацией изначально кетоязычных гидронимических терминов *кул* (*куль*) 'вода; река' в бурятский формант *хул* (Гурулев, 1991: 115]. Можно оспорить мнение о бурятской языковой принадлежности выделяемого С. А. Гурулевым форманта *-хул*, хотя мы и выделяем в забайкальской топонимии формант *-хул* в ряде гидронимов – р. *Борохул*, р. *Турхул*, р. *Моргул*, р. *Чонгуль*, р. *Хулугли* и т. д. В региональной топонимии названий с формантным *ул/уль* (*х*)*ул* немного, что позволяет считать эти названия топонимами, некогда состоявшими из двух компонентов, где одним из составных компонентов онима являлся кетский гидронимический термин

уль/ул. Мы уже ранее описывали кетоязычные гидронимы в субстратной топонимии Забайкалья (Жамсаранова, 2011).

Распространенным гидронимическим термином кетского языкового происхождения в региональной топонимии является термин *уль*, отмечаемый А. П. Дульзоном как общее название реки у ассанов, «которое, в зависимости от контекста, могло также иметь значение ‘вода’, подобно слову *су* во многих тюркских языках. Слово *уль* в значении ‘вода’ употреблялось во всех кетских¹ языках, за исключением имбатского наречия, в котором наряду с этой формой встречается вариант *ур*, и аринского, в котором употреблялось исключительно *куль*. По-видимому, *уль* употреблялось в значении ‘река’ иногда и в других кетских языках (кроме ассанского). Об этом свидетельствуют топонимы, в которые входят *уль* или *куль* со значением ‘река’, встречающиеся в местах плотного залегания неассанских кетских топонимов» (Дульзон, 1962: 8).

Анализ ареального распространения топоизоглосс с основой *ур* показал, что наиболее частотно распределены субстратные топонимы по территории юго-восточных районов Забайкалья. Например, в Акшинском: р. *Урей* – л. пр. р. Акша, п. *Урей*, ур. *Урульгин*, р. *Уртуй*; Газимуро-Заводском: р. *Уров* – л. пр. р. Аргунь, р. *Урюмкан* – л. пр. р. Аргунь, р. *Урюм* – л. пр. р. Урюмкан, п. *Урундай*, р. *Урундой* – л. пр. р. Унда, с. *Урютино*; Нерчинско-Заводском: р. *Уровская Берея* – л. пр. р. Уров, руч. *Уровская Хива* – пр. пр. р. Дулюшма, ур. *Уровские Будки*, д. *Уровские Ключи*, руч. *Уровский* – л. пр. р. Уров, хр. *Урюмканский*; Кыринском: р. *Ниж. Урулей* – л. пр. р. Киркун, р. *Урла* – л. пр. р. Кыра, р. *Урулунтуй* – пр. пр. р. Бол. Улетуй и пр.; Могойтуйском: п. *Урбаулет*, п. *Ургунта*, п. *Ургута*, г. *Уронай*, п. *Урту*, п. *Уртуй* (4), руч. *Уртуй* – л. пр. р. Онон, с. *Уртуй*, с. *Ортуй*; Оловянинском: р. *Урта* – л. пр. р. Турга, г. *Урта*, п. *Урта*, п. *Урла-Соктуй*, п. *Урбангуй*, п. *Урбангуй-Дальний*, р. *Урбангуй* – пр. пр. р. Онон, п. *Уртуй*, хр. *Ургучак*, с. *Уртуйский* и пр.

По другим районам Забайкалья топонимы с терминованным *ур* не имеют плотности распространения и представлены небольшим количеством названий; оз. *Урта*, п. *Урта* (Агн.); п. *Урдача*, р. *Урулюнгуй* – пр. пр. р. Бырка, оз. *Урунгуй* (Алек.-З.); ур. *Урулюнгуйский*, ур. *Урту-Нур*, п. *Урулюнгуй* (Брз.); р. *Урей*, ур. *Урей* (Дульд.); р. *Урульгинский* – пр. пр. р. Араца, с. *Урульга* (Крм.); п. *Ургашиха*, п. *Ургуниха* (Клг.); р. *Урульга* – пр. р. Шилка, р. *Урэучан* – пр. пр. р. Шилка (Нрч.); р. *Урулюнгуй* – л. пр. р. Аргунь, оз. *Урта*, п. *Уртинская* (Он.) и пр., имеющих спорадическое распространение.

А. П. Дульзон отмечает наличие названий рек на *-ур*, составляющих «равномерно плотный ареал на тунгусской территории юга Сибири вплоть до нижнего Амура, например: Ур, Амур, Аур, Даур и др.», к которым «на западе к этому ареалу примыкают непосредственно кетские и ассанские названия рек на *-ур*, *-уль*» (Дульзон, 1970: 96). Исходя из этих наблюдений, А. П. Дульзон ставит вопрос о наличии возможного тождества тунгусского *ур-ми* ‘мочить’ с кетскими *ур*, *уль* ‘вода’ (там же).

Опираясь на мнение А. П. Дульзона о том, что «через тюркские языки *уль* может быть передано в двух вариантах: *ül* или *ул*, в зависимости от характера основы первого слова...» (Дульзон, 1962: 8–9), мы полагаем возможным выделить и термин *уль/ул* в топонимической системе Забайкалья, полагая, что именно посредством тюркского этноязыкового субстрата обусловлена частотность и ареал распространения. От этого гидронимического термина в региональной субстратной топонимии образовано гораздо большее число гидронимов по сравнению с термином *ур* и составляет в общей сложности более 400 микротопонимов.

Анализ ареального распространения термина *уль/ул* показал, что наиболее частотно распространены топонимы с корневым или формантным *уль* в центральных и юго-восточных, юго-западных районах Забайкалья. Наибольшее число субстратных топонимов с *уль* отмечено нами в Улетовском районе: р. *Улеты* – пр. р. Ингода, с. *Улеты*, р. *Уляты*, р. *Улястуй* – пр. р. Хилогосон,

¹ Имеющиеся в современном сибиреведении исследования по языкам народов Сибири позволяют оперировать уже термином «енисейские языки», в число которых входит и кетский язык.

р. *Сред. Улетка* – пр. пр. р. Джимибирка, р. *Крайняя Улетка* – л. пр. р. Ингода, р. *Улетка* – пр. р. Ингода, р. *Нов. Улутуй* – пр. пр. р. Ингода, р. *Бол. Улентуй** – пр. р. Старый Улутуй, р. *Мал. Улентуй** – пр. р. Старый Улутуй, р. *Улутуй* – пр. пр. р. Ингода, п. *Улотуй*, р. *Бол. Улелей* – пр. пр. р. Ингода, р. *Бол. Улелейчик*, р. *Мал. Улелейчик* – пр. р. Ингода, р. *Мал. Улелей* – пр. пр. р. Ингода и пр.

Следует отметить высокую степень самостоятельного употребления этих терминов в виде топонима, которое под влиянием суперстратных явлений приняло следующий «облик»: оз. *Улово*, р. *Уляр* – л. пр. р. Ингода, руч. *Ульба* – пр. р. Кусотуй, р. *Улентуй** – пр. пр. р. Догой, п. *Улир*, р. *Улукан* – л. пр. р. Шаргольджин, д. *Улача* и т. д. Как видно, форманты представляют собой *-во* (рус.), *-ба/-бу* (самод.), *-туй* (бур.), *-кан*; *-ча* (эвенк.), иллюстрируя таким образом время и язык, посредством которого этот топоним «дошел» до настоящего времени. А. П. Дульзон, к примеру, на территории Западной Сибири отметил редкое употребление термина *уль/ул* в самостоятельном употреблении.

При анализе также обнаружилось, что гидронимический термин *уль*, как и ряд других субстратных терминов, имеет синхронический коррелят, например, в эвенском языке, где *Өлэн* означает понятие «ущелье, теснина; падь, лощина» (ССТМЯ). Поэтому топонимы типа *Улунтуй** или *Улунта**, распространенные в местах компактного проживания бурятского населения, отнесены к эвенским и потому не входят в число субстратных.

В монгольских языках кетоязычный гидронимический термин *уль* коррелирует с термином *гол* ‘река; долина реки’, вероятно, через тюркское *go:l-go:l²* ‘1) река, рукав реки, проток; 2) долина’; (тюрк. коол ‘низменность, долина; речное русло; река’ (Молчанова, 1982); тюрк. *köl* ‘озеро; водоем’), что позволяет сопоставить монгольское *гол* ‘река; долина реки’ с кетскими *уль/куль*. Поэтому выделяемый С. А. Гурулевым формант *-хул* можно отнести прежде всего к каким-то тюркским языкам, посредством которых и образовались гидронимы с финальным формантом *-хул*.

Следует отметить, что исследователь Г. Вернер выделяет среди аринских гидронимических терминов наряду с *-zet, -zat, -set, -sat < set* *Fluß* ‘вода/река’ и такой термин, как *-kul < kul* ‘Wasser’ (вода), ‘*Fluß*’ (река) (Werner, 2002: 55), что также дает нам основание сопоставить бурятское *гол* ‘река; долина реки’ с аринским «речным» термином *-kul < kul* ‘Wasser’ (вода), ‘*Fluß*’ (река). Нами отмечено поистине огромное количество гидронимов типа *Кулинда/Кулиндокан* в Забайкалье, большую часть которых следует относить, по-видимому, не только к тунгусо-маньчжурским названиям, которые обычно семантизируют как «змеиная» река от *кули* ‘змея’ (эвенк.). Более вероятно отнести гидронимы «Кулинда», «Кулиндокан», ойконим «Кули» (П.-Заб.) к собственно аринским топонимам от апеллятива *-kul < kul* ‘Wasser’ (вода). В долине р. Кулинды в Чернышевском районе Забайкальского края региональными палеонтологами обнаружены останки динозавра, который, возможно, войдет в историю мировой науки как «кулиндозавр».

Следующая группа субстратных топонимов имеет в топооснове наиболее распространенное название реки *сес* ‘река’, распространенное, по мнению А. П. Дульзона, «у всех сымских и инбатских кетов» и имеющее вариативы *с’ес/с’ес’/ш’еш’*: *Засулан*, р. – л. пр. р. Южная Шивыкинда, п. *Засулан*, п. *Сусархай*, п. *Цусурхай*, р. *Часовенный* – пр. пр. р. Онон, р. *Сайсентуй* – пр. пр. р. Акша (Акш.); п. *Цасучей*, с. *Цасучей*, д. *Ниж. Цасучей*, п. *Засулунтуй*, озера *Засулан*, оз. *Сасулан*, ур. *Цусулан-Нур*, г. *Саса*, оз. *Сытыркен*, п. *Арал-Зайсан*, г. *Цысынтууй*, ур. *Цзусуланту*, г. *Цасынтууй* (Он.); п. *Сушаниха*, п. *Соцол*, р. *Соцол* – л. пр. р. Онон, кл. *Засранка³/Засранушка*, р. *Сушаниха* – л. пр. р. Турга, с. *Улан-Цацык*, р. *Цоцол* – пр. р. Онон (Олов.); п. *Зун-Зусалан*, р. *Зусалан* – л. пр. р. Иля, р. *Зуткулей* – л. пр. р. Онон, п. *Зуткулей*, с. *Зуткулей* (Дульд.);

² Читается как [ku:l], потому топонимический ряд, где основой топонима может быть тюрк. *ko:lgo:l*, представлен названиями, где начальные буквы переименованы в х, к, г.

³ Мы относим этот и подобные топонимы с пейоративной семантикой к переосмысленным, деэтимологизированным субстратным топонимам кетского происхождения.

п. Засаранка, п. Заусиха, п. Чичильчи, г. Шетыкан, п. Чащевитая, п. Тушакинда (Алек.-З.); руч. Записина – л. пр. р. Аргунь, п. Мал. Чесноковка, с. Чашино-Ильдикан, п. Чесноковка, п. Чащевит⁴ и пр.

А. П. Дульзон, ссылаясь на материалы Г. Ф. Миллера, Ю. Клапрота, П. С. Палласа, отмечает, что у коттов ‘река; ручей’ передавались термином *шет/шет*’ (Дульзон, 1962: 4), которое, на наш взгляд, в региональной топонимии могло сохраниться в виде конечного формантного *-ши/-чи*. Это названия типа *Буричи, Дагачи, Исташи, Итыкитчи, Кавыкучи, Кусочи, Магдагачи, Мукдагачи, Талачи, Тумачи, Укшаки* и т. д., которые первоначальной лексической формой могли иметь *Ишашет, Укшет, Тымшет* и т. д., будучи на деле плеоназмами, распространенными, как правило, на территориях с билингвальным населением.

В связи с этим такие топонимы, как р. *Исташи*, п. *Сигачи*, г. *Сигачи*, р. *Сивачи* – л. пр. р. Уров, п. *Сивачи*, д. *Сивачи* (исчез.), руч. *Прямые Сивачи* – пр. пр. р. Сивачи, р. *Сивачи* – пр. р. Аргунь (Нер.-З.), п. *Симучи*, р. *Тумочикан* и пр., можно отнести к субстратным, выделяя в них финальное коттское *шет/шет*’ ‘река; ручей’. Произойти это явление в детерминативах, изначально имевших форму *шет/шет*’ ‘река; ручей’, могло, на наш взгляд, под воздействием или посредством ассимиляции каких-то тюркских языков. Впрочем, нельзя однозначно исключить и тюркское языковое происхождение этих аффиксов.

Подобное явление отмечено А. А. Бонюховым при описании структуры шорских топонимов, когда аффиксальное *-чы/-чи* определяется как продуктивный аффикс со значением обладания, «наличие у объекта того, о чем говорится в основе (например, р. Палыкчи: палык ‘рыба’ + *-чы* = ‘в реке имеется рыба, рыбная’) (Бонюхов, 1976: 201). Попутно отметим, что тюркоязычный субстрат в топонимии Забайкалья, включая и шорские (р. *Черен*, с. *Черновские Копи*, с. *Чирон* и пр.), является довольно плотным. Поэтому данное не исключает участие кетского детерминанта *шет/шет*’ ‘река; ручей’ в виде тюркоязычного форманта *-чы/-чи*, «образовавшегося», возможно, от кетского *шет/шет*’ ‘река; ручей’.

А. П. Дульзон выделяет у аринской группы именование реки в форме *сет* и *сам* (Дульзон, 1962: 8). На изучаемой территории под влиянием «тунгусского» языка анлаутное *с-* «приобрело» различные консонантные вариации. Например, мы склонны относить к названиям, этимологизируемым из енисейских языков, следующие топонимы с инициальным *жс-/джс-/дз-/з-/ч-/ш-*: д. *Жетково*, с. *Жетковский Рудник*, руч. *Жидка* – пр. пр. р. Унда, с. *Жидка*, п. Мал. *Джидка*, д. *Джидка*, р. *Джидка* – пр. пр. р. Онон, п. Мал. *Дзалай*, ур. *Дзалай*, п. *Заселатуй*, п. *Загдачей*, п. *Чистая*, п. *Шестой*, п. *Шестачиха*, п. *Шестаков Лог* и пр. (Бал.); п. *Саженка*, п. *Жигалиха*, п. *Диткина*, п. Мал. *Дегтянка* (Калг.); оз. *Жидовка*, р. *Чичатка* – пр. р. Шилка, п. *Жидкоуча*, р. *Жидкоуча* – пр. р. Газимур и т. д. При этом необходимо учитывать лексико-семантическую близость гидронимических терминов коттского *шет/шет*’ ‘река; ручей’ с аринским *сет/сам*. Поэтому топонимы типа *Жетково*, например, нельзя однозначно относить только к коттским или только к аринским.

Примечателен в этом аспекте анализ таких топонимов, как *Зюльзя*, *Зюльзикан* и *Жульжа*, *Жульжакан*, основу которых составили тюркский термин *дьюл*<*джуль* ‘вода; речка’ + *-жа*<*-са*<*сам* ‘река’ /кет./, что иллюстрирует наблюдение С. А. Гурулева, считающего, что однозначно определить языковую, тем более диалектную принадлежность топоформанта, в бассейне Байкала к примеру, невозможно не только по причине дефицита знаний о енисейских языках, но отчасти по причине их происхождения, когда в тюркские (и не только) заимствовались исходные енисейские гидронимические термины, как в случае с *ул~кул~дьюл~гол*.

⁴ Последние названия, в которых явно угадываются в основе вероятные русские «чаща», «чеснок» и пр., представляют на деле также пример названий, возникших или находящихся на стадии переосмысления на базе русского языка, как это видно на примере названия пади *Чащевит*, которое в будущем будет иметь вид как, например, п. Чащевитая. По своим физико-географическим особенностям эту падь нельзя отнести к месту, заросшему чащей. В случае русскоязычности названия *Чесноковка* эта падь могла бы иметь вероятное название типа п. Чесноковая, Чесночная, например, а не Чесноковка.

На территории, занятой бурятским населением, отмечено наличие названий типа *Зуткулей*, где корневое исходное *-е-* основы *сет* «приобрело» вид *зут-*, где *-у-* могло появиться под влиянием гласной форманта *-кул(ей)*, что согласуется с нормами сингармонии бурятского языка. На этой территории характерное для аринских терминов *-е-* «превратилось» в *-а-*: *Саса*, *Сажса*, *Сасулан*, *Засулан*, *Цасучей*, *Засулунтуй* и пр. Любопытно, что А. П. Дульзон сопоставляет кетское *сет* с монгольским *сэдэс* ‘приток, рукав реки’, употребляемым в восточной Бурятии и северной Халхе, ссылаясь на материалы В. А. Казакевича (Дульзон, 1962).

Также следует отметить, что в региональной топонимии аринское *сет* могло приобрести лексический вид как *дет* или *дес*. Следующий ряд топонимов, такие как р. *Дес* – пр. пр. р. Джапиджак (Мгч.), р. *Дусалей* – л. пр. р. Арей, р. Бол. *Чичатка* – л. пр. р. Шилка, р. Мал. *Чичатка* – пр. р. Чичатка, р. *Чичатка* – л. пр. Шилка (Шлк.), с. *Дешулан* (Улет.); п. *Дет-Кундуй*, д. *Тут-Халтуй*, п. *Тот-Кундуй*, р. *Тут-Халтуй* (Он.) и пр., состоят из основного термина *дес*, перешедшего в основы *деш-/чич-/дет-/тот-/тут-*, что могло произойти под влиянием каких-то из монгольских языков, особенно на территории Ононского района, где и отмечены топонимы с формой *тот-* и *тут-*. Произошедшая деаффрикатизация гидронимических терминов посредством монгольских языков, например, когда конечное *-с* перешло в *-т* (ср. *дес* < *дет* < *тот* < *тут*), указывает на последующее освоение этих топонимов уже русским языком, на базе которого и возникли названия, где одним из составных элементов является непонятное *тот-* или *тут-*.

На это и указывает А. П. Дульзон, отмечая вариации суперстратных топонимов на почве русского языка *т'ет*, *д'ет*, *тат*, *дат*, *тот*, *дот* как производные от исходного пумпокольского *тет* ‘река’, изменившегося в тюркских языках до вариантов *дет* (*дәт*), *тат*, *дат*, *тот*, *дот* (Дульзон, 1962: 9).

Подобных топонимов, где основа представляет собой кетское именование реки *тет* ‘река’, но измененных в *дет/тот/тут* в региональной топонимии много, в пределах 100–150 единиц. Это названия п. *Тот-Кундуй*, п. *Тутхалтуй*, п. *Тотхалтуй*, д. *Тут-Халтуй*, р. *Тут-Халтуй* – пр. пр. р. Дурулгуйка, г. *Тут-Халтуй*, р. *Тутхулта*, г. *Тотхерота*, п. *Тотхалтуй*, п. *Тутхул* и пр., распространенные в основном по юго-восточным и южным районам Забайкалья, особенно в бассейне р. Онон.

Итак, исследованное состояние субстратной топонимии Восточного Забайкалья позволяет утверждать о наличии плотного слоя кетских топонимов, что естественным образом ставит вопрос о поисках древнего населения, оставившего эти географические названия. Вернее, следует установить наличие этнопонимов, которые и укажут на былое расселение кетоязычных племен и народностей прошлого региона.

Одним из таких этнопонимов является геноним Улятский род тунгусов, находившийся в ведении Урульгинской степной думы (ГАЗК, ф. 55). Мы полагаем, что от этого тунгусского генонима образованы топонимы р. *Улеты* – пр. пр. р. Ингода, с. *Улеты*, район *Улетовский*, р. *Сред. Улетка* – пр. пр. р. Джимиگیرка, р. *Крайняя Улетка* – л. пр. р. Ингода, р. *Улетка* – пр. р. Ингода. В исторически обозримом периоде это были Олеты (см.: Потанин, 1883) как одно из монгольских племен, еще ранее – одна из фратрий кетов Ольгыт, записанных А. Кастреном как «водяной народ». Дуально противоположной этой фратрии считалась фратрия Ханта, или Кэнтан. Название Кастрена «канский народ», т. е. Ханта, возможно понимать как «огненный народ» или, что ближе семантически к понятию громовника, «громовой народ» в противовес названию другой фратрии кетов – Ольгыт.

Ранее мы уже писали о таком загадочном имени, как *никан(ы)* – туземном населении государства Никанского, или Гоу-Го (см.: Жамсаранова, 2014: 42–49). Концептуальное значение экзони́ма *никан* связывается с мифологическим образом громовника, или Кайракана-громовника, точнее, с его именованием как одной из фратрий кетов – Кэнтан, или Ханта⁵, которая, согласно

⁵ Мы используем данные полевых записей кетских томов Лаборатории языков народов Сибири Томского государственного педагогического университета.

данным М. А. Кастрена, обычно переводится как «кольцо на лыжном посохе». По легенде, из этого рода Ханта происходит род под названием Богдэй, который переводится как «ударивший огнем» (ПМ ЛЯНС; Т. 3; С. 456–457). В ясачной ревизии в 1629 г. уже встречается название Богдэй.

Нам уже приходилось писать о вероятном происхождении одного из генонимных названий хори-бурят как Бодонгүүд от древнего названия народа *богдойцы*, упомянутого наряду с другими Н. Я. Бичуриным, описывавшим народы, населявшие исследуемую территорию (Жамсаранова, 2009: 74–79). Поэтому не исключено, что «канский народ» М. А. Кастрена, куда относится и род Богдэй «огненный», можно соотнести с богдойцами Н. Я. Бичурина, а также с более поздним генонимом Бодонгүүд хори-бурят.

Любопытно, что в тунгусо-маньчжурских языках лексема *богдо* II – это ‘человек иной национальности’ (эвенк.); *богдо* – ‘бурят’, ‘монгол’, ‘китаец’ (ССТМЯ: 87). В маньчжурском языке обнаруживается лексема, лексически сопоставимая с генонимным *бодонгүүд*. Словом *боңзоңги* именовали степняков-кочевников⁶ в значении ‘степняк; дикарь’. Исходя из этого сопоставления, полагаем, что маньчжурское экзонимное *боңзоңги*, как и экзоним *богдо*, которым маньчжуры именовали монголов, бурят и китайцев, является названием некоего степного кочевого племени, которое сопоставимо с поздним генонимом хори-бурят – *бодонгүүд*. В связи с этим возникает закономерный вопрос – не могло ли экзонимное *боңзоңги* «сохранить» в несколько искаженном виде самоназвание какого-то более древнего племени.

В записях иностранных путешественников о племенах, населявших «северные страны», осталось упоминание о таком народе, как *богдойцы*⁷, созвучное генониму Богдэденг кетов. Косвенным подтверждением вероятности нашего лексического сопоставления хори-бурятского Бодонгүүд с кетоязычными *богденцами*, *богдойцами* 1692 г. является наличие в региональной топонимии кетских топонимов. При морфологическом анализе онимов Богдэденг, *богдойцы* и Бодонгүүд выявляется общая для всех онимов основа *бог-*. Поиски этимона основы *бог-* могут увести далеко, вплоть до вероятного лексического отождествления с древним народом *пугу*, входившим в состав тйелэ, бывшего отдельным племенем сюнну/хунну, о котором упоминается в известиях китайцев о народах Южной Сибири, Центральной Азии и Дальнего Востока (см.: Кюнер, 1961: 36–40).

Название рода хори-бурят Бодонгүүд явилось, возможно, реликтом древних племенных групп *богдойцев*, расселенных в бассейне р. Селенги XVII в., а также енисейцев Богдэденг, как народа *пугу* эпохи древних хунну. Геноним Бодонгүүд, или *бодонгутский*, возник на основе переосмысления прежнего генонима Богдэйдэнг не только по причине фонетической близости названий, но и такого лингвистического явления, как фузия. Согласно основы первичного генонима Богдэйдэнг/Богдэденг *-г-* подверглась сокращению при переходе онима из кетского, например, в монгольский язык по принципу так называемой фонологической компрессии вследствие ее неудобности произношения позже на бурятской языковой почве: Богдэденг (кет.) < Бо(г)дэнг+үүд (бур.). Возникшая в результате морфонологического преобразования, повлекшего

⁶ Давнее соседство маньчжур с племенами даурских степей обусловило естественное наличие названий экзонимного характера. Со временем окитаившиеся маньчжуры вслед за китайцами стали вкладывать в племенные названия своих западных соседей-степняков несколько иной смысл – высокомерно-пренебрежительный, что отразилось в экзонимном ‘степняк; дикарь’. Степняки действительно представляли для оседлых китайцев и уподобившихся им маньчжуров постоянную угрозу, совершая набеги, грабежи и насилие. Вероятно, потому название кочевого племени стало восприниматься со временем как синоним «диких vs степных» людей, каковыми и были степняки Даурии в отношении народа Поднебесной.

⁷ В книге Ф. Авриля, где он смог дать описание шести разных путей до Китая в 1692 г., встречаем упоминание о трех народах, «которые кочуют от озера Далая (Байкала. – Р. Ж.) и по землям, находящимся на реке Селенге – *богдойцы*, нучи и монголы». При описании народов, которые жили по всей территории Сибири, Авриль замечает: «...но как у всех сих народов одинаковая физиономия и один язык с калмыками, то и должно полагать, что они суть разные отделившиеся орды от калмыков, и что, привыкнувши постепенно к москвитянам, они покорились наконец им...» (Алексеев, 1941: 88–89).

за собой деэтимологизацию первичного онима, омонимия обусловила уже на базе монгольских языков «образование» вторичного значения как «вебрь; дикий кабан» согласно лексическому облику генонима Бодонгүүд/Бодонгутский.

Однако стоит отметить, что в маньчжурском ониме *боңЗоңги* 'степняк, дикарь' согласная *ң* [нг] идентична согласной *-з-* древнего онима Богдэенг, «исчезнувшая» в названии Бодонгүүд. Отмеченное ранее лингвистическое явление фузии по своей природе близко к такому морфологическому явлению, как переразложение, состоящее в смещении морфемных границ в слове, в результате которого и возникла вторичная основа *бодон(з)-*, утратившая связь с первичной, изначальной основой *бог-*. Такого рода языковые явления, как фузия, переразложение, свойственны в первую очередь флективным языкам. Однако они возможны⁸ и в отношении суффиксально-агглютинативных языков, каковыми являются монгольские языки, чем, собственно, и объясняется образование формы онима как Бодонгүүд.

К тому же при лексических заимствованиях вероятно возникновение такого лингвистического явления, как переразложение, часто происходящего по причине того, что воспринимающий язык имеет отличную от языка-источника структуру. В данном случае маньчжурский и бурятский языки, будучи отличными от языка-источника, в нашем случае от кетского, обнаружили и проявили эти языковые явления в ониме Бодонгүүд.

Название рода Бодонгүүд традиционно объясняется вслед за Ц. Б. Цыдендамбаевым от монгольского апеллятивного *бодонг* 'вебрь, дикий кабан' (Цыдендамбаев, 1972: 207). Эта этимологическая версия позволила Ц. Б. Цыдендамбаеву предполагать о достаточно древнем происхождении генонима, известного, возможно, со времен киданей. *Бодонгуты*, по мифологии восточных бурят, относятся ко второй линии родов, к харганаевской группе.

Однако предложенная Ц. Б. Цыдендамбаевым версия представляет собой пример так называемой вторичной номинации, часто возникающей на основе переосмысления апеллятива, ставшего основой генонима. Переосмысленное понятие на базе бурятского языка приобрело, таким образом, уже несколько другой вид, формируя затемненный образ тотема-вепря, что, конечно же, никоим образом не согласуется с характерными для номадов образами тотемных предков⁹.

Древность генонима Бодонгүүд очевидна, что свидетельствует не только об автохтонном происхождении этой группы хори-бурят, связанных этнически с конфедерацией могучих хунну, но и о неоднозначности этнической, равно как и языковой, принадлежности бурят-*бодонгутов*.

Любопытно замечание Е. А. Алексеенко при описании кетского шаманского бубна о том, что «... данный вариант кетского бубна распространился среди кетов от тех их предков, которые в начале XVII в. составляли группу земшаков и *богденцев* и которые ранее имели более близкие контакты в тюрко-монгольской среде, чем левобережные кеты-инбаки, подвергшиеся непосредственному угро-самодийскому влиянию» (Алексеенко, 1984: 77–79). Отмечая типологию конструктивных особенностей бубна, представления и обрядовых действий, а также лексических данных именованной шаманской атрибутики, Е. А. Алексеенко приходит к выводу о наличии параллелей у кетов и южносибирских народов Саяно-Алтайского нагорья. Однако отмечаемое Е. А. Алексеенко двойственное отношение к функциональной стороне шаманского бубна, прослеживаемое у многих народов Сибири, когда бубен воспринимался и как дикое животное, и как средство передвижения, дает основание несколько расширить границы диахронного контактирования средневековых племен, включая и территорию Восточного Забайкалья.

⁸ Вследствие размытости границ между флективностью и агглютинацией, ее неабсолютностью, что и позволяет обнаружить сочетание флективных черт с агглютинативными (БЭС: 552).

⁹ Следует попутно заметить, что сами представители бодогутов относятся к этимологии родового названия как *бодонг* 'вебрь, дикий кабан' отрицательно, не считают своим тотемным предком дикого кабана (ПМ 2005 г.).

Это наблюдение косвенно подтверждает гипотезу о каких-то древних контактах тюрко-монгольского мира с кетоязычными племенами, однако на территории, определяемой как Северная Азия. При этом следует отметить лакунарность исторического прошлого автохтонных народов исторической Даурии, равно как и наличие недостаточной полноты их генезиса во всех отношениях.

Кетская основа этнопонимов с. *Ацагат*, р. *Аса*, р. *Осиновка*, хр. *Осиновый* (П.-Заб.; Крснчик.), с. *Катаево* (от прежнего *Котоевское/Котой* (см.: ГАЗК, ф. 19)), которые объясняются от этнонимных названий кетов ассан(ы) и котт(ы), представляется очевидной.

Наше предположение о наличии кетоязычного субстрата как в этногенезе тунгусов и инородцев (т. е. хори-бурят) Нерчинского уезда, так и в историческом развитии языков региона обусловлено мнением историков бурятского языка. При исследовании исторического развития бурятского языка В. И. Рассадин не без оснований отметил актуальность вопроса поисков «тех аборигенных племен, которые могли вызвать такое сильное ослабление напряженности артикулирующих органов в бурятском языке. Этими племенами могли быть как кетоязычные, так и палеоазиатские племена» (Рассадин, 1982: 170). В. И. Рассадин замечает, что ослабление захватило бурятские говоры очень давно, так как подобное явление прослеживается и в старобаргутском диалекте (Рассадин, 1982: 170). В связи с этим выводом полагаем, что выявленное наличие кетских топонимов на исследуемой территории, как и предварительное предположение об участии каких-то из кетоязычных племен или родов в образовании названий тунгусов и бурят Нерчинска, подтверждает мнение о причине фонологических явлений в историческом развитии бурятского языка.

Сокращения

- Агн. – Агинский район
 - Акш. – Акшинский район
 - Алек.-З. – Александрово-Заводский район
 - Бал. – Балейский район
 - Брз. – Борзинский район
 - Дульд. – Дульдургинский район
 - Клг. – Калганский район
 - Крм. – Краснокаменский район
 - Крснч. – Красночикоийский район
 - Мгч. – Могочинский район
 - Нрч. – Нерчинский район
 - Нер.-З. – Нерчинско-Заводский район
 - Олов. – Оловяннинский район
 - Он. – Ононский район
 - П.-Заб. – Петровск-Забайкальский район
 - Улет. – Улетовский район
 - Шлк. – Шилкинский район
- Символом * помечены топонимы тунгусо-маньчжурского языкового происхождения.

Список литературы

- Алексеев М. П. Сибирь в известиях западно-европейских путешественников и писателей XII–XVII вв.: 2-е изд. Иркутск: ОГИЗ Иркут. обл. изд-во, 1941. 610 с.
- Алексеев Е. А. Южносибирские параллели в шаманстве кетов // Этнография народов Сибири. Новосибирск, 1984. С. 77–79.

- Бонюхов А. А. Структура шорских топонимов // Языки и топонимия. Томск, 1976. Вып. 1. С. 198–206.
- Гурулев С. А. Кетоязычная топонимия бассейна Байкала // Топонимика и межнациональные отношения: сб. статей. М., 1991. С. 108–118.
- Дульзон А. П. Общее название реки у кетоязычных народов // Ученые записки Дальневосточного гос. ун-та. Владивосток, 1962. Вып. V. С. 3–9.
- Дульзон А. П. О методологии историко-сопоставительного изучения неродственных языков // Ученые записки Томского ун-та: Вопр. языкознания и сибирской диалектологии. Томск, 1966. Вып. I, № 57. С. 79–87.
- Дульзон А. П. Этнически дифференцирующие топонимы Сибири и Дальнего Востока // Языки и топонимия Сибири. Томск, 1970. С. 86–97.
- Жамсаранова Р. Г. Этнонимы и геононимы хори-бурят: лингвистическое исследование. Чита: ЧитГУ, 2009. 228 с.
- Жамсаранова Р. Г. Субстрат в топонимии Восточного Забайкалья. Чита: РИО ЗабГУ, 2011. 236 с.
- Жамсаранова Р. Г. Онимы Нелюдский острог (Нерчинский острог), Никанское царство и государство Гоу-Го в аспекте цивилизационных процессов Северной Азии // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований (Tomsk Journal of Linguistics and Anthropology). 2014. Вып. 2 (4). С. 42–49.
- Кюннер Н.В. Китайские известия о народах Южной Сибири, Центральной Азии и Дальнего Востока. М., 1961. 390 с.
- Мельхеев М. Н. Географические названия Восточной Сибири, Иркутской и Читинской областей. Иркутск, 1969. 121 с.
- Молчанова О. Т. Структурные типы тюркских топонимов Горного Алтая. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1982. 256 с.
- Потанин Г. Н. Очерки северо-западной Монголии. СПб., 1883. Вып. IV. 1024 с.
- Рассадин В. И. Очерки по исторической фонетике бурятского языка. М.: Наука, 1982. 199 с.
- Цыдендамбаев Ц. Б. Бурятские исторические хроники и родословные (историко-лингвистическое исследование). Улан-Удэ, 1972. 662 с.
- Цыдендамбаев Ц. Б. Изучение ономастики Бурятии и исторически связанных с ней регионов – одна из актуальных задач современного бурятоведения // Ономастика Бурятии: тр. Бурят. ин-та общ. наук БФ СО АН СССР. Улан-Удэ, 1976. С. 3–23.
- Werner H. Vergleichendes Wörterbuch der Jenissej-Sprachen. Band 3: Onomastik. Harrassowitz Verlag, Wiesbaden, 2002. 449 p.

Источники

- Государственный архив Забайкальского края (ГАЗК), ф. 19, оп. 1, д. 86.
- Государственный архив Забайкальского края (ГАЗК), ф. 55, оп. 2, д. 61; ф. 55, оп. 2, д. 60.
- Полевые материалы Лаборатории языков народов Сибири ТГПУ.
- Полевые авторские материалы 2005 г.
- Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков: материалы к этимологическому словарю: в 2 т. / отв. ред. В. И. Цинциус. Л.: Наука, 1975. Т. 1. 672 с.; Т. 2. Л., 1977. 992 с.
- Языкознание. Большой энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева: 2-е изд. М.: Большая рос. энцикл., 1998. 685 с.
- Жамсаранова Р. Г., доктор филологических наук, доцент.
Забайкальский государственный университет.
Ул. Александрово-Заводская, 30, Чита, 672039.
E-mail: rebecca_zab@mail.ru

Материал поступил 8 декабря 2014.

Zhamsaranova R. G.

KET PROPER NAMES IN THE ONOMASTIC SYSTEM OF EASTERN TRANSBAIKAL

The abstract is devoted to the first verbal presentation of Ket proper names in onoma system of Eastern Transbaikalye. The substrate hydronimic names are presented and described, which verbal root can be

explained by the ket terms. They are ul'/ul 'river', Arin terms set and sat, kott shet 'river; brook', which are represented by regional toponyms. Ethnotoponyms like Assan, Kott, Ulyatsky genonimic of Tungus and Bodonguut tribal name of khori-Buryat represent the ancient community on the territory of historical Dauria, connected with Ket.

Key words: *Ket toponimic substrate, genonimic names of Tungus and khori-Buryat, documents of State Archive of Transbaikial Krai, synchronic correlates in the system of local geographic terminology, Bogdojtsy, Nikans, Bogdeideng, Khanta, Ol'gyt, Ulyat tribe of Nerchinsk Tungus, Bodongutskiy tribe of khori-Buryat, ethnotoponyms.*

References

- Alekseev M. P. *Sibir' v izvestiyah zapadno-evropeyskikh puteshestvennikov i pisateley XII–XVII vv.* 2-e izd. [Siberia in reports of Western-European travelers and writers]. Irkutsk, OGIZ Irkut. obl. izd-vo Publ., 1941. 610 p. (in Russian).
- Alekseenko E. A. Yuzhnosibirskie paralleli v shamanstve ketov [South-Siberian parallels in Ket shamanism]. *Etnografiya narodov Sibiri – Ethnography of the peoples of Siberia*. Novosibirsk, 1984. Pp. 77–79 (in Russian).
- Bonyuhov A. A. Struktura shorskikh toponimov [Structure of Shor toponyms]. *Yazyki i toponimiya – Languages and toponymy*. Tomsk, 1976. Vol. 1. Pp. 198–206 (in Russian).
- Gurulev S. A. Ketoyazychnaya toponimiya basseyna Baykala [Ket-language toponymy of Baykal water-shed]. In: *Toponimika i mezhnatsional'nye otnosheniya: sb. st.* [Toponymy and ethnic relations: Sat. articles]. Moscow, 1991. Pp. 108–118 (in Russian).
- Dul'zon A. P. Obshchee nazvanie reki u ketoyazychnykh narodov [Common river names in Ket-language populations]. *Uchenye zapiski Dal'nevostochnogo gos. un-ta* [Scientific notes of the Far East State University]. Vladivostok, 1962. Vol. V. Pp. 3–9 (in Russian).
- Dul'zon A. P. O metodologii istoriko-sopostavitel'nogo izucheniya nerodstvennykh yazykov [On the methodology of historical-comparative studies in unrelated languages]. *Uchenye zapiski Tomskogo un-ta: Vopr. yazykoznavaniya i sibirskoy dialektologii – Scientific notes of Tomsk University: Questions of Linguistics and Siberian dialects*, 1966, vol. I, no. 57, pp. 79–87 (in Russian).
- Dul'zon A. P. Etnicheski differentsiruyushchie toponimy Sibiri i Dal'nego Vostoka [Ethnic differentiating toponyms of Siberia and Far East]. *Yazyki i toponimiya Sibiri – Languages and toponymy of Siberia*. Tomsk, 1970. Pp. 86–97 (in Russian).
- Zhamsaranova R. G. *Etonimy i genonimy hori-buryat: lingvo-istoricheskoe issledovanie* [Ethnonyms and genonyms Hori-Buryat: linguistic-historical study]. Chita, ChitGU Publ., 2009. 228 p. (in Russian).
- Zhamsaranova R. G. *Substrat v toponimii Vostochnogo Zabaykal'ya* [Substrate in the toponymy of Eastern Trans-Baykal area]. Chita, RIO ZabGU Publ., 2011. 236 p. (in Russian).
- Zhamsaranova R. G. Onimy Nelyudskiy ostrog (Nerchinskiiy ostrog), Nikanskoe tsarstvo i gosudarstvo Gou-Go v aspekte tsivilizatsionnykh protsessov Severnoy Azii [Onyms Nelyudskiy Ostrog (Nerchinskiiy Ostrog), Nikanskoe Tsarstvo and the state of Gou-Go in the perspective of civilizations of Northern Asia]. *Tomskiy zhurnal lingvistiki i antropologii – Tomsk Journal of Linguistics and Anthropology*, 2014, vol. 2 (4), pp. 42–49 (in Russian).
- Kyuner N. V. *Kitayskie izvestiya o narodakh Yuzhnoy Sibiri, Tsentral'noy Azii i Dal'nego Vostoka* [Chinese reports on the populations of Southern Siberia, Central Asia and Far East]. Moscow, 1961. 390 p. (in Russian).
- Mel'heev M. N. *Geograficheskie nazvaniya Vostochnoy Sibiri, Irkutskoy i Chitinskoy oblastey* [Geographical names of Eastern Siberia, Irkutsk and Chita regions]. Irkutsk, 1969. 121 p. (in Russian).
- Molchanova O. T. *Strukturnye tipy tyurkskikh toponimov Gornogo Altaya* [Structural types of Turkic toponyms of Mountain Altai]. Saratov, Izd-vo Saratov. un-ta Publ., 1982. 256 p. (in Russian).
- Potantin G. N. *Ocherki severo-zapadnoy Mongolii* [Surveys of North-Western Mongolia]. St. Petersburg, 1883. Vol. IV. 1024 p. (in Russian).
- Rassadin V. I. *Ocherki po istoricheskoy fonetike buryatskogo yazyka* [Sketches in historical phonetics of the Buryat language]. Moscow, Nauka Publ., 1982. 199 p. (in Russian).
- Tsydendambaev C. B. *Buryatskie istoricheskie hroniki i rodoslovnnye (istoriko-lingvisticheskoe issledovanie)* [Buryat historical chronicles and geneologies (historical-linguistic studies)]. Ulan-Ude, 1972. 662 p. (in Russian).
- Tsydendambaev C. B. *Izuchenie onomastiki Buryatii i istoricheski svyazannykh s ney regionov – odna iz aktual'nykh zadach sovremennogo buryatovedeniya* [Onomastic studies of Buryatia and historically adjacent regions – among the priorities of

contemporary Buryat studies]. *Onomastika Buryatii: tr. Buryat. in-ta obshch. nauk BF SO AN SSSR* [Onomastics of Buryatia: works of Buryat institute of social sciences BB SB USSR AS]. Ulan-Ude, 1976. Pp. 3–23 (in Russian).

Werner Heinrich. *Vergleichendes Wörterbuch der Jenissej-Sprachen. Band 3: Onomastik*. Wiesbaden, Harrassowitz Verlag Publ., 2002. 449 p.

Sources

Gosudarstvenny Arhiv Zabaykal'skogo kraja (GAZK) [State archive of Trans-Baykal region]. F. 19, op. 1, d. 86.

Gosudarstvenny Arhiv Zabaykal'skogo kraja (GAZK) [State archive of Trans-Baykal region]. F. 55, op. 2, d. 61; f. 55, op. 2, d. 60.

Polevye materialy Laboratorii yazykov narodov Sibiri TGPU [Field archive of the Laboratory of Indigenous Languages of Siberia. TSPU].

Polevye avtorskie materialy [Field notes] 2005.

Sravnitel'ny slovar' tunguso-man'chzhurskih yazykov: materialy k etimologicheskomu slovaryu: v 2 t. [Comparative dictionary of Tungus-Manchu languages: data for the etymological dictionary]. Tsintsius V. I. (ed.). Leningrad, Nauka Publ., 1975. Vol. 1. 672 p.; Vol. 2. 1977. 992 p.

Yazykoznanie. Bol'shoy entsiklopedicheskiy slovar' [Linguistics. Large Encyclopedic Dictionary]. Yartseva V. N. (ed.). 2-e izd. Moscow, Bol'shaya Ros. entsikl. Publ., 1998. 685 p.

Zhamsaranova R. G.

Transbaikal State University.

Ul. Aleksandro-Zavodskaja, 30, Chita, 672039.

E-mail: rebecca_zab@mail.ru